

Пепел

Рой Стоун

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рой Стоун

Пепел

«Автор»

2026

Стоун Р.

Пепел / Р. Стоун — «Автор», 2026

Он безжалостно карает преступников и маниакально втирает в руки госпитальный антисептик, пытаясь защитить семилетнюю дочь-астматика от «грязи» этого мира. Но когда Волков убивает маньяка, сжигающего своих жертв заживо, его идеальная картина мира рушится. Убитый не был психопатом. Он был гениальным эпидемиологом. Волков стал бессимптомным инкубатором. Единственный шанс на спасение — опальный врач Анна Смирнова, которую Волков сам бросил за решетку. Вынужденные стать напарниками, Оружие и Скальпель пробиваются сквозь пылающий мегаполис за антидотом. Но их главный враг не мародеры и не огнеметчики войск РХБЗ. Их главный враг — биология. Как спасти того, кого любишь, если твое собственное прикосновение — это оружие массового поражения? «ПЕПЕЛ». Безжалостный сурвайвл-триллер, в котором холодная вирусология сталкивается с первобытным ужасом и психологическим ядом. История о том, что бывает, когда иллюзия контроля запускает апокалипсис.

© Стоун Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	8
Глава 2.	11
Глава 3.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рой Стоун

Пепел

Пролог.

В 03:14 ночи клеточная карцинома была полностью уничтожена.

В 03:15 начался конец света.

Профессор стоял перед звуконепроницаемым стеклом изолятора четвертого уровня биобезопасности, вцепившись побелевшими пальцами в стальной поручень. Яркий, стерильный свет хирургических ламп отражался в его очках, скрывая красные от бессонницы глаза. Ему было шестьдесят, но за последние три недели он постарел на десяток лет.

По ту сторону пуленепробиваемого стекла на медицинской кушетке лежал Пациент Ноль.

Официально его не существовало. По документам он проходил как «Биологический субъект 4» — бездомный бродяга с терминальной стадией рака легких, которого кураторы из ФСБ изъяли из городского хосписа для «экспериментального лечения».

Мониторы жизнедеятельности над кушеткой показывали невероятное. Химерный вирусный вектор, созданный Ильиным на базе аденовируса с использованием инструментария CRISPR-Cas9, отработал безупречно. Штамм, был запрограммирован находить мутировавшие онко-клетки и запускать в них форсированный апоптоз — запрограммированное самоубийство. За шесть часов опухоли в легких субъекта, размером с теннисные мячи, рассыпались в безобидный белковый мусор. Рак был вылечен. Биологический Грааль был найден.

Но граали всегда полны крови, а чудеса требуют чудовищной платы.

Причина, по которой Ильин нарушил все мыслимые этические протоколы, не имела отношения к науке. У нее было имя — Вера. Жена профессора задохнулась от точно такой же карциномы ровно год назад. Ильин, гениальный вирусолог, смотрел, как она медленно тонет на сухой постели, и его мозг отказывался принимать поражение. Как и детектив Волков, который появится в этой истории позже, Ильин страдал тяжелейшей, разрушительной формой токсичной любви — гордыней спасателя. Он был уверен, что может подчинить природу. Он хотел взять болезнь за горло и сломать ей шею.

И он сломал. Но природа нанесла ответный удар.

За стеклом изолятора Субъект 4 внезапно открыл глаза. Они были багровыми — капилляры в склерах полопались.

Мужчина сел на кушетке. Его грудь судорожно вздымалась.

А затем он кашлянул.

Это не был сухой, лающий кашель курильщика или онкобольного. Это был влажный, тяжелый звук рвущейся плоти — звук, с которым мокрое полотенце разрывают надвое.

Ильин шагнул к стеклу, его сердце пропустило удар.

— Телеметрия! — хрипло крикнул он в микрофон внутренней связи. — Выведите мне уровень цитокинов!

Цифры на боковом экране поползли вверх с пугающей, экспоненциальной скоростью. 400 пг/мл... 1200... 5000...

Вирус Ильина был слишком умным. Уничтожив рак, он не отключился. Столкнувшись со здоровыми клетками эпителия дыхательных путей, химерная РНК мутировала прямо в организме носителя. Она восприняла иммунный ответ человека как угрозу и начала использовать макрофаги — защитников организма — как транспорт. Вирус заставил иммунную систему Субъекта 4 атаковать собственные легкие.

Мужчина за стеклом забился в конвульсиях. Из рта хлынула густая, темная кровь, смешанная с розовой пеной. Он задыхался, пытаясь разорвать пальцами собственную грудь. Капли зараженной крови брызнули на внутреннюю сторону стекла, прямо напротив лица оцепеневшего профессора.

«Господи, что я наделал,» — эта мысль ударила Ильина ледяным молотом. Он вылечил опухоль, но создал геморрагическую чуму, чья контагиозность в замкнутом пространстве уже превышала все известные пределы.

Дрожащей рукой Ильин потянулся к красному телефону спецсвязи. Он набрал номер своего куратора.

Полковник Стрельцов ответил после второго гудка.

— Профессор. У вас есть результаты?

— Полковник... — голос Ильина срывался. — Проект нужно закрыть. Немедленно. Вектор нестабилен. Пациент умирает от массивного цитокинового шторма. Вирус передается аэрозольно, он разрушает слизистые за часы! Нужно вводить карантин уровня «Омега» и сжечь лабораторию!

На том конце провода повисла пауза. В этой тишине Ильин услышал не ужас. Он услышал холодный, расчетливый интерес.

— Аэрозольная передача? Стопроцентная летальность за часы? — голос полковника стал вкрадчивым, как лезвие бритвы. — Илья Борисович, вы понимаете, что вы создали? Это же идеальный стерилизующий агент. Вы заблокировали систему вентиляции в боксе?

— Что? — Ильин не поверил своим ушам. — Стрельцов, это не оружие! Эту дрянь невозможно контролировать! Если она вырвется...

— Мы пришлем спецназ для изъятия образцов через сорок минут, профессор. Заприте бокс. Сохраните биоматериал. Конец связи.

Гудки.

Ильин медленно положил трубку.

Он посмотрел сквозь заляпанное кровью стекло. Субъект 4 перестал биться. Он лежал на полу, булькая разорванными легкими.

Ильин хотел спасти человечество от рака, но вместо этого подарил психопатам в погонах кнопку конца света. И они собирались ее нажать. Если ФСБ заберет вирус, они начнут испытывать его. И рано или поздно, человеческий фактор даст сбой.

Профессор посмотрел на фотографию Веры, приколотую к магнитной доске.

— Прости меня, — прошептал он.

У него было тридцать минут до прибытия спецназа. Тридцать минут, чтобы искупить свой грех.

Ильин подошел к шкафу экстренного реагирования. Он сорвал пломбу и вытащил тяжелый, ярко-желтый костюм химической защиты — толстый бутилкаучук, способный выдержать кислоту и пламя.

Он надел его, затянув ремни респиратора. Тяжелое, механическое дыхание заполнило его уши. В этом скафандре он больше не был ученым-идеалистом. Он стал монстром. Стерилизатором. Санитаром.

Он подошел к главному крио-холодильнику, извлек оттуда стальной цилиндр с нулевым, еще не мутировавшим образцом вируса (единственный шанс когда-нибудь создать антидот) и пристегнул его к поясу.

Затем он запустил протокол форматирования серверов. Все данные, годы исследований, формулы — всё превращалось в цифровой пепел.

Наконец, Ильин взял в руки промышленный плазменный резак. Тяжелый баллон лег на спину.

Он нажал кнопку открытия шлюза в изолятор.

Мертвый воздух, насыщенный триллионами вирионов, ударил в стекло его шлема. Ильин шагнул внутрь, к умирающему человеку на полу.

Субъект 4 посмотрел на желтую фигуру. В его глазах была мольба о смерти.

— Я отпускаю твои грехи, — глухо произнес Ильин сквозь фильтры, поднимая резак. — И свои тоже.

Он нажал на гашетку. Ослепительно белое пламя температурой в две тысячи градусов ударило в грудную клетку зараженного, мгновенно испаряя плоть, кровь и, самое главное, легкие — инкубатор вируса. В комнате запахло жареной медью и горелой синтетикой. Плоть обращалась в серый, хлопьевидный пепел.

Профессор Ильин умер в этот момент. Родился «Инквизитор».

Он заберет крио-цилиндр. Он сбежит через подземные коммуникации в портовую зону. Он будет искать тех, кто уже успел заразиться через вентиляцию до того, как он заблокировал фильтры. Он будет отлавливать их в подвалах и котельных, сжигая их легкие дотла, чтобы вирус не вырвался наружу. Он станет самым разыскиваемым маньяком в городе, неся на себе крест спасителя, о котором никто никогда не узнает.

Он будет сдерживать эпидемию своими руками.

До тех пор, пока лучший детектив убойного отдела, ослепленный собственной гордыней, не загонит его в угол и не всадит пулю ему в сердце. Пулю, которая разобьет крио-контейнер.

И вот тогда, на этом самом пепле, апокалипсис начнется по-настоящему.

Глава 1.

Мертвецы не пачкают рук. Руки пачкает страх.

Детектив Александр яростно втирал в ладони прозрачный гель, пока кожа не начала гореть. Вжик-вжик. Звук трения сухой кожи эхом разносился по тесной, провонявшей хлоркой уборной на краю оцепленного периметра. На пластиковом флаконе с помпой, который он машинально сунул в карман пальто еще час назад, едва читалась стертая надпись: «Больница №4. Отделение инфекционного контроля». Запах дешевого медицинского спирта резал обоняние, перебивая въедливый, тошнотворно-сладкий аромат горелого мяса, который он принес на своей одежде с улицы.

Он поднял взгляд на треснувшее зеркало над раковиной. Холодный люминесцентный свет выхватил из полумрака лицо человека, который давно проиграл войну с собственным истощением. Но глаза Александра зацепились за другое. Левый висок. Еще вчера там блестело лишь несколько серебряных нитей, а сегодня целая прядь стала мертвенно-белой. Седина расплзалась по нему, как плесень. Как болезнь.

Это была его личная, трагедия. Метка беспомощности. Казалось, новый седой волос появлялся после каждой бессонной ночи, когда он сидел на краю кровати своей семилетней дочери Сони, вслушиваясь в ее хриплое, свистящее дыхание. Астма. Невидимая удавка, которая сжималась на горле его ребенка, пока он, лучший детектив убойного отдела, мог лишь бесполезно сжимать кулаки. Он умел ловить людей из плоти и крови. Он умел выбивать признания, находить гильзы в водостоках и раскрывать преступления. Но перед заболеванием он оказался бессилён. Не мог надеть наручники на удушье.

Эта чудовищная несправедливость требовала выхода. И сейчас этот выход лежал в тридцати метрах отсюда, в заброшенной котельной порта, где маньяк, которого пресса уже окрестила «Инквизитором», оставил свой третий труп. Александр нуждался в поимке этого ублюдка физически. Это был сублимированный контроль: если он не может спасти дочь от ее собственной биологии, он спасет этот гниющий город от психопата. Любой ценой.

Детектив вытер руки о бумажное полотенце — раз, другой, словно пытаясь стереть не только грязь, но и саму кожу, — и толкнул ржавую дверь, шагнув в промозглую ночь.

Дождь сек асфальт, разбивая отражения красно-синих мигалок полицейских круизеров. Зона оцепления гудела от голосов патрульных, треска раций и щелчков фотоаппаратов криминалистов. Александр шел сквозь толпу униформ как ледокол, не отвечая на приветствия. Его взгляд был прикован к зияющей пасти котельной — черному провалу в кирпичной стене.

В углу, полузасыпанный строительным мусором и кирпичной крошкой, лежал скомканный белый предмет. Стерильный белый халат из плотной ткани, на вороте которого темнело свежее, бурое пятно.

Но Александр перешагнул через тень, поглощенный своей охотой. Для него этот мир был декорацией триллера о серийном убийце, и он искал следы безумия. Читатель же, заметив этот халат, почувствовал бы первый, ледяной укол. Что-то здесь было катастрофически не так.

Внутри котельной пахло горелой синтетикой и горелой плотью. В центре помещения, на чугунной решетке водостока, лежало то, что осталось от человека.

— Третий за две недели, Саня, — хрипло доложил судмедэксперт Петрович, вытирая пот со лба. — И тот же почерк. Никаких следов борьбы. Жертва словно сама пришла сюда и ждала. А потом... огонь. Но не открытое пламя, понимаешь? Термический ожог колоссальной температуры, направленный точно на грудную клетку. Словно он выжигал им легкие.

Александр присел на корточки у края решетки, стараясь не дышать глубоко.

— Легкие... — прошептал он, и перед глазами на долю секунды вспыхнул ингалятор Сони. Он мотнул головой, отгоняя наваждение. — Что еще?

— Взгляни сюда. — Петрович направил луч фонарика на участок бетонного пола в метре от тела.

Бетон здесь был идеально чистым, выскобленным до крошки, образуя ровный круг диаметром с тарелку. Вокруг этого круга лежал тонкий слой серого пепла.

Александр прикрыл глаза, моделируя сцену. Его блестящий, но сбитый с толку разум рисовал картину: убийца в черном плаще, одержимый религиозным бредом, стоит над горячей жертвой. Затем он опускается на колени, его глаза горят фанатичным огнем. Он достает ритуальную чашу, аккуратно, с маниакальным благоговением, собирает горсть человеческого пепла, чтобы забрать с собой частицу души, трофей своей власти над жизнью и смертью. Ритуал. Классическая подпись психопата-фетишиста.

Но читатель, обладающий всеведением, в этот момент видит другую картину. Видение детектива растворяется, уступая место пугающей реальности. Появляется человек, но он не в плаще маньяка. На нем тяжелый, герметичный костюм химической защиты высшего класса, лицо скрыто за панорамным стеклом респиратора. Его движения не ритуальны — они механически выверены и клинически точны. На руках — толстые перчатки. Вспышка ультрафиолетовой лампы. Человек в защите наклоняется, специальным стерильным шпателем аккуратно соскабливает обуглившиеся остатки легочной ткани — источник заразы, — и помещает их в вакуумный контейнер, герметично запечатывая его. Он не забирает душу. Он изолирует нулевой патоген.

— Он собирает его как трофей, — вслух произнес Александр, открывая глаза. В его голосе звенела сталь. — Этот больной убудок собирает их пепел. Мы имеем дело с серийником, помешанным на очищении огнем.

— Детектив! — Резкий женский голос разорвал гул котельной.

Александр обернулся. Желтая полицейская лента трепыхалась на ветру, а под ней, отбиваясь от рук патрульного, стояла женщина. Ее волосы промокли и прилипли к бледному, почти прозрачному лицу. Глаза были расширены от неконтролируемого ужаса, грудь тяжело вздымалась. На ней был накинут легкий плащ, под которым виднелся строгий костюм.

— Пустите ее, — бросил Александр, поднимаясь.

Женщина бросилась к нему, спотыкаясь на неровном бетоне. Она не смотрела на разтерзанное тело — ее взгляд метался по помещению, сканируя углы, трубы, вентиляционные шахты.

— Вы Александр? Руководитель группы? — Она тяжело дышала, ее голос срывался. — Я доктор Анна Смирнова. Главный эпидемиолог региона. Скажите мне... скажите, что вы его не открывали.

— Кого — его? Доктор, это место преступления, вам здесь...

— Контейнер! — Она схватила детектива за лацканы пальто, не обращая внимания на кровь и копоть на его одежде. — На месте первого убийства был контейнер. Вы нашли его здесь?! Скажите, что он забрал его с собой! Вы не понимаете, прогресс расследования... насколько вы продвинулись?! Вы нашли, где он это прячет?!

Александр жестко перехватил ее запястья и отстранил от себя. Его профессиональный радар завыл сиреной. Эпидемиолог. Какого черта врач этого профиля забыла на месте работы серийного убийцы в три часа ночи? Почему она дрожит не от вида трупа, а от того, что здесь чего-то нет?

Он смотрел на нее сверху вниз, его прищур стал хищным. В ее панике он видел не страх перед угрозой, а страх разоблачения. Соучастница? Та, кто снабжает маньяка химикатами для поджогов? Или фанатичка, влюбленная в монстра, пытающаяся пустить следствие по ложному следу?

— Мы найдем все, что он забрал, Анна, — медленно, с расстановкой произнес Александр, глядя ей прямо в глаза. — И его самого. А пока вы поедете в участок и расскажете, откуда у вас такие подробности о вещдоках, которые не попадали в прессу.

Анна отшатнулась, словно он ударил ее. Читатель в этот момент увидел бы, как по ее лицу скользнула тень абсолютного, парализующего отчаяния. Она посмотрела на руки Александра, затем на его лицо, и в ее глазах отразилось понимание того, что этот упрямый, самоуверенный мент только что подписал смертный приговор не только себе, но и миллионам людей.

Она полезла в карман плаща. Патрульные тут же положили руки на кобуры, но Анна достала лишь смятый больничный бланк и ручку. Прямо на капоте ближайшей машины она лихорадочно, дрожащей рукой нацарапала несколько слов, сунула бумажку в нагрудный карман Александра и, не сказав больше ни слова, бросилась прочь, растворяясь в стене дождя.

Александр даже не попытался ее остановить. Он знал, что она никуда не денется. Он достал записку двумя пальцами, ожидая увидеть угрозу, признание или шифр психопата.

Кривые, срывающиеся буквы гласили: "Остановитесь, пока не поздно. Вы ищете не того зверя. То, что он забирает — это не трофеи. Это замок на клетке".

— Угрожает, — усмехнулся Александр, комкая записку и бросая ее в карман к флакону с санитайзером. — Сука думает, что сможет меня напугать.

Он почувствовал прилив адреналина. Узел затягивался. У маньяка есть помощница, а значит, есть слабое место. Он поймает их. Поймает, выжмет всю правду и закроет это дело. А утром вернется домой, купит Соне тот набор для рисования, который обещал, и будет слушать, как выравнивается ее дыхание.

Детектив развернулся и решительно зашагал к своей машине, готовясь поднять по тревоге весь отдел. Он не знал. Он не мог знать, что каждый его шаг приближает этот мир к неоправимому

Зритель видит, как Александр садится за руль. Видит, как он, по привычке, снова достает из кармана флакон с потертой надписью «Больница №4. Отделение инфекционного контроля» и выдавливает щедрую порцию геля на руки.

Он тщательно растирает его по ладоням, убивая микробы. Убивая, все обычные микробы.

Но он не знает того, о чем кричали невидимые детали. Пепел. Халат. Эпидемиолог.

Он не знает, что этот гель — та самая среда, в которой нулевой патоген, принесенный им на подошвах с этого бетонного пола, не погибает, а мутирует, впитываясь в поры его кожи. Кожи, которой он через несколько часов будет гладить по голове свою дочь-астматика.

Охота началась. Но Александр еще не понял, что по следу пустили не его. По следу пустили саму смерть, а он был лишь ее послушным транспортом.

Глава 2.

Утро в портовом городе всегда начиналось не с рассвета, а с того, что небо просто меняло цвет с черного на цвет грязного асфальта. Дождь мелкий, въедливый, похожий на взвесь стальных опилок, сек лобовое стекло старого внедорожника Александра Волкова. «Дворники» размазывали воду с монотонным, гипнотическим скрежетом — вжик-вжик, вжик-вжик, — словно метроном, отсчитывающий время до катастрофы, о которой еще никто не догадывался.

На заднем сиденье, пристегнутая ремнем безопасности, сидела семилетняя Соня. В тусклом свете уличных фонарей ее лицо казалось почти полупрозрачным, как у фарфоровой куклы, которую слишком долго держали на солнце. Она рисовала фломастером в блокноте, низко опустив голову. Волков наблюдал за ней через зеркало заднего вида. В его взгляде не было привычной отцовской теплоты; скорее, это был взгляд судмедэксперта, сканирующего тело на предмет скрытых гематом. Его любовь к дочери была тяжелой, собственнической, удушающей. Он любил ее так свирепо, что эта любовь походила на ярость. Ярость на генетику, на экологию, на весь этот гниющий город.

Вдруг появился звук.

Сначала это был лишь легкий шелест, похожий на то, как сухой осенний лист скребется по асфальту. Волков мгновенно напрягся. Его пальцы побелели на кожаной оплетке руля.

— Соня? — бросил он, не оборачиваясь, глядя в зеркало.

Девочка перестала рисовать. Ее маленькие плечи приподнялись. Шелест перерос в свист. Это был классический патофизиологический каскад: гладкая мускулатура бронхиального дерева внезапно спазмировалась, реагируя на невидимый триггер — возможно, пыльцу плесени из автомобильного кондиционера или микроскопические частицы выхлопных газов, просочившиеся в салон. Просвет бронхиол стремительно сужался, слизистая оболочка отекала, выделяя густой секрет, который блокировал альвеолы. С физиологической точки зрения, Соня сейчас тонула на суше. Воздух входил в легкие, но не мог выйти обратно из-за эффекта клапана.

— Пап... — выдохнула она. Слово прозвучало как треск рвущегося пергамента.

Она схватилась за грудь маленькими пальчиками, словно пытаясь разорвать невидимую проволоку, стягивающую ребра. Ее глаза, огромные и полные животного, первобытного ужаса, встретились с его глазами в зеркале.

Волков ударил по тормозам, едва не пустив тяжелую машину в занос на мокрой брусчатке. Он припарковался прямо на газоне перед зданием начальной школы. Никакой паники в его движениях не было — только холодная, механическая эффективность человека, который привык иметь дело со смертью каждый божий день.

Он выскочил под ледяной дождь, рванул заднюю дверцу и нырнул в салон.

— Смотри на меня. Только на меня, — приказал он тоном, которым обычно успокаивал заложников или инструктировал снайперов. Его голос был лишен утешения, в нем звучала лишь армейская команда.

Его правая рука уже нырнула в карман пальто, извлекая Г-образный пластиковый цилиндр ингалятора. Волков сорвал колпачок, энергично встряхнул баллончик — суспензия внутри должна была гомогенизироваться для идеального выброса. Он прижал мундштук к синюющим губам дочери.

— Выдох. Максимально, Соня. Давай.

Она с хрипом вытолкнула остатки кислорода.

— Вдох! — Волков нажал на клапан.

Точно отмеренная доза лекарства — ровно 90 микрограмм — вырвалась из баллона со скоростью курьерского поезда, распадаясь на облако частиц размером от 2 до 5 микрон.

Именно такой размер позволял химикату миновать гортань и осесть глубоко в бронхиолах. Внутри организма девочки молекулы лекарства начали яростно связываться с бета-2-адренорецепторами гладкой мускулатуры, активируя фермент. Клеточный механизм был запущен: спазм начал отступать.

Но для Волкова это была не медицина. Это было временное перемирие с монстром, который жил в груди его ребенка. Он ненавидел этот кусок пластика так же сильно, как и маньяков, которых ловил. Ингалятор делал Соню слабой. Зависимой. А Волков не терпел слабости — ни в себе, ни в тех, кто принадлежал ему.

Через тридцать секунд Соня откинулась на спинку сиденья. Ее грудь тяжело вздымалась, но свист ушел. На его месте остался влажный, усталый хрип.

— Я... я нормально, пап, — прошептала она, избегая его взгляда. Она чувствовала вину. В этом и крылся их маленький, извращенный семейный секрет: Соня боялась расстроить отца своим удущьем больше, чем самой смерти от него.

— Выходи. «Пошли в медкабинет», — глухо сказал он.

Здание школы пахло мелом, старым линолеумом и детской тревогой, которая годами впитывается в стены образовательных учреждений. Медкабинет находился на первом этаже. За белой дверью их ждала школьная медсестра — Елена Викторовна. Женщина за пятьдесят, с уставшими глазами и кардиганом, который казался сотканным из чужой боли и пыли. Она знала Волкова слишком хорошо.

Елена измерила Соне сатурацию пульсоксиметром — красный диод показал приемлемые 94% — и отправила девочку посидеть на кушетке за ширмой, подарив ей леденец.

Волков остался стоять посреди кабинета, засунув руки глубоко в карманы промокшего пальто. Он занимал слишком много места. От него пахло мокрой шерстью, табаком и той агрессивной, тяжелой аурой насилия, которую невозможно смыть в душе. Его левый висок, недавно покрывшийся сединой, странно пульсировал. Там, под кожей, словно копошился невидимый паук, вызывая зуд, который Волков игнорировал.

— У нее участились приступы, Александр, — негромко сказала Елена, заполняя журнал. Она не смотрела на него. — Четыре раза за этот месяц. Я говорила с доктором Захаровым. Ей нужно сменить базовую терапию. Глюкокортикостероиды уже не держат воспаление.

— Захаров — идиот, который выписывает то, за что ему платят фармкомпания, — отрезал Волков. Его челюсть сжалась. — Мы не будем увеличивать дозу гормонов. Она и так бледная, как привидение. Я сам найду специалиста. Из Москвы. Из Израиля. Найду лучшего.

Елена наконец подняла на него взгляд. В ее глазах не было страха перед грозным детективом, только глубокая, утомительная жалость. Она видела таких людей. Людей, чье эго было настолько раздуто, что они воспринимали болезнь близких как личное оскорбление, как вызов их всемогуществу.

— Александр, послушайте меня, — мягко произнесла она, положив ручку. — Вы привыкли на своей работе ловить тех, кто совершил преступление. Вы сажаете их в клетку и считаете, что проблема решена. Но биология — это не уголовный кодекс. Вы не можете надеть наручники на иммунную систему. Вы не можете выбить признание из бронхов.

Волков прищурился. Воздух в кабинете, казалось, стал плотнее, температура упала на пару градусов. Внутри него закипала та самая темная, маслянистая ярость. Эта женщина смела учить его контролю? Его? Того, кто своими руками держит этот город за горло, чтобы он не захлебнулся в собственной крови?

— Астма — это хроническое заболевание, — продолжила Елена, не обращая внимания на его тяжелый взгляд. — Вы не можете контролировать всё. Иногда нужно просто отпустить вожжи. Перестать бороться с ветром. Вы должны просто довериться врачам. Довериться процессу. Иначе вы сломаете и себя, и ее.

Волков медленно вытащил руки из карманов. Он шагнул к столу медсестры, нависая над ней, словно гранитная плита. На его губах заиграла усмешка — холодная, режущая, лишенная малейшего намека на юмор. Это была улыбка хищника, который снисходительно смотрит на травоядное.

— Довериться врачам? — Его голос был тихим, почти шепотом, но вибрировал от скрытой угрозы. — Знаете, в чем проблема вашей профессии, Елена Викторовна? Врачи лечат симптомы. Вы даете таблетку от кашля, пластырь от кровотечения, стероид от спазма. Вы гладите монстра по голове, надеясь, что он уснет.

Он наклонился еще ближе. Седая прядь упала ему на глаза.

— А я устраняю причину. Если в моем городе появляется гниль, я не выписываю ей рецепт. Я вырезаю ее с корнем и сжигаю дотла. И если нужно, я вырежу ту дрянь, которая душит мою дочь. Я найду источник. Я всегда его нахожу.

Елена слегка отшатнулась. В этот момент она увидела перед собой не заботливого отца, а безумца. Человека, который в своей гордыне готов был вскрыть землю до самого ядра, лишь бы доказать, что он тут главный.

— Источник внутри нее, Александр, — тихо сказала она. — Вы не можете вырезать ее саму.

Волков не ответил. Он резко развернулся, бросил Соне короткое «Идем» и вышел из кабинета, даже не прикрыв за собой дверь.

Выйдя на крыльцо школы, под навес, куда не добивал дождь, Волков почувствовал, как его ладони покрылись липким, холодным потом. Разговор с медсестрой оставил ощущение грязи. Ощущение утраты контроля. Он ненавидел чувствовать себя беспомощным.

Его рука машинально, рефлекторно скользнула в карман пальто. Пальцы нащупали гладкий пластик флакона с санитайзером из инфекционной больницы. Того самого, который он подобрал вчера.

Волков выдавил на ладонь прозрачную каплю геля. Она была холодной, пахла резко, химически. Он начал яростно растирать жидкость по коже, между пальцами, по тыльной стороне кистей. Вжик-вжик. Тот же звук, что и от дворников машины. Звук стирания. Звук очищения.

Он думал, что убивает бактерии. Он думал, что защищает себя и свою дочь от грязи этого мира. Он верил, что этот ритуал возвращает ему власть над микроскопическим хаосом.

Но он ошибался. Глубоко, фатально ошибался.

Если бы Волков обладал зрением электронного микроскопа, он бы увидел не стерилизацию, а чудовищный акт творения. В микрорельефе его кожи, в порах и микротрещинах эпидермиса, дремали невидимые глазу вирионы. Остатки того самого пепла из котельной. Сферические частицы с белковыми шипами, находившиеся в состоянии анабиоза.

Когда изопропиловый спирт и другие активные компоненты санитайзера — обрушились на них, вирионы не погибли. Обычный патоген разрушился бы, его липидная оболочка растворилась бы. Но «Штамм Ковид-Хлорос», синтезированный убитым профессором Ильиным, был химерой. При контакте с агрессивной химической средой его внешняя капсида не рвалась. Она кристаллизовалась. Спирт выступал не как яд, а как катализатор, химический ключ, который запускал реакцию экспрессии генов.

На ладонях Волкова, прямо сейчас, на клеточном уровне, вирус сбрасывал свою «спящую» оболочку. Он менял форму, отрачивая новые рецепторы, адаптируясь к выживанию вне дыхательных путей. Он учился жить на коже, в секрете потовых желез.

Волков потрянул высохшие руки. Легкое покалывание в левом виске стало чуть сильнее — первый маркер того, что мутировавший белок уже начал интеграцию в его нервную систему, превращая его тело в идеальный инкубатор для конца света.

Детектив сделал глубокий вдох, успокаивая бешено бьющееся сердце. Он был уверен в себе. Он контролировал ситуацию. Он был хищником, идущим по следу маньяка.

Он посмотрел на свои чистые, сухие руки, не зная, что в этот самый момент он перестал быть детективом. Он стал транспортом. Первым всадником апокалипсиса в промокшем шерстяном пальто.

Волков спустился по ступенькам под ледяной дождь, направляясь к машине. Сегодня ему предстояло пожать много рук. Ему предстояло передать много папок с документами. Ему предстояло угостить кофе своего напарника.

Он шел устранять причину. Не понимая, что причина — это он сам.

Волков рывком открыл дверцу внедорожника. В салон вместе с ним ворвался запах мокрого асфальта и того неуловимого, металлического душка надвигающейся бури, который собаки чуют за часы до первых раскатов грома. Он тяжело опустился на водительское сиденье, захлопнул дверь, отсекая шум дождя, и салон погрузился в ватную, душную тишину.

Соня сидела так же, как он ее оставил — сжавшись в комочек на заднем сиденье. В ее руках был зажат синий фломастер, но она не рисовала. Она смотрела на затылок отца с тем специфическим, настороженным обожанием, с каким заложники иногда смотрят на своих похитителей. Для нее Александр Волков был не просто родителем; он был божеством, жестоким и всемогущим, единственным щитом между ней и смертью от удушья.

Ее дыхание все еще было поверхностным. Влажный хрип на выдохе.

Волков посмотрел на нее через зеркало. Внутри него, под толстой коркой профессионального цинизма, шевельнулось что-то темное, уродливо-нежное. Его любовь к ней была похожа на ржавый капкан: она держала намертво, но при этом пускала кровь. Он не умел любить мягко. Он ненавидел себя за то, что передал ей свои бракованные гены (хотя врачи и говорили, что астма от матери, он-то знал правду — всё слабое в его жизни было его виной).

— Медсестра сказала, что я слишком много командую, — сухо произнес Волков, глядя в зеркало.

Соня слабо, неуверенно улыбнулась.

— Она просто тебя не знает, пап.

— Да. Она не знает. Никто из них не знает, как устроен реальный мир. — Волков развернулся всем корпусом, протягивая руку между передними сиденьями. — Иди сюда, мышонок.

Девочка послушно отстегнула ремень и потянулась к нему, подставляя лицо под его широкую ладонь.

Именно в этот момент, в эту растянувшуюся на долю секунды паузу, Вселенная сыграла свою самую злую, самую изощренную шутку. Волков хотел защитить ее. Он хотел передать ей свою силу, свою абсолютную, негибаемую уверенность.

Его пальцы, только что обильно смоченные госпитальным дезинфектором, коснулись бледной, влажной от недавнего приступа щеки Сони. Большой палец мягко провел по ее скуле, убирая за ухо тонкую прядь темных волос.

Физический контакт установлен.

Если бы время замерло, а наш взгляд опустился на микроскопический уровень, картина этого отцовского жеста вызвала бы первобытный ужас.

На поверхности эпидермиса Волкова, в теплом, богатом липидами слое, мутировавший штамм уже завершил свою трансформацию. Полимерный спирт из санитайзера сработал как ключ зажигания в ядерной боеголовке. Вирионы, еще час назад спавшие в виде сухого пепла в легких мертвеца, теперь были активны, агрессивны и голодны. Они обладали измененной гликопротеиновой короной, которая позволяла им игнорировать кислотный барьер человеческой кожи.

В момент трения грубой мозолистой подушечки большого пальца Волкова о нежную щеку девочки, произошел термальный и механический перенос. Миллиарды невидимых

частиц, похожих на шипастые глубоководные мины, соскользнули с кожи детектива в микроскопические поры ребенка.

Вирус не был злым. У него не было намерений. Это была идеальная, слепая машина репликации, и Волков своими руками только что поместил ее в идеальный биореактор — в ослабленный, воспаленный хронической астмой организм семилетней девочки, чей местный иммунитет был подавлен годами приема кортикостероидов.

На макроуровне Волков просто погладил дочь по щеке.

— Всё будет хорошо, слышишь? — Его голос звучал как монолит, как нерушимая клятва. — Я найду того, кто это делает. Я вырву с корнем любую заразу, которая попытается к тебе прикоснуться. Никто не причинит тебе вреда, пока я здесь. Я всё держу под контролем.

Соня закрыла глаза, прижимаясь щекой к его теплой руке, принимая этот жест как высшее благословение. Втирая мутировавший патоген еще глубже в свои поры.

— Я знаю, пап. Я тебе верю.

У Волкова снова зачесался левый висок. Под кожей черепа, там, где волосяные фолликулы уже начали терять пигмент под воздействием вирусной интеграции в его собственную ДНК, пульсировала тупая, тянущая боль. Он проигнорировал ее. Это был просто стресс. Просто усталость от того, что ему одному приходится нести на своих плечах тяжесть этого мира.

Он убрал руку. Повернулся обратно к рулю. Перевел селектор коробки передач в положение «Drive». Тяжелый внедорожник рыкнул и плавно отвалил от бордюра, вливаясь в серый, утренний поток машин, ползущий в сторону полицейского управления.

Александр Волков не верил в случайности, не верил в невидимые угрозы и презирал тех, кто сдавался на милость природы. Он верил только в то, что можно поймать, избить, посадить в клетку или сжечь. В своем фанатичном стремлении контролировать всё, в своей слепой, хирургической ярости, он отбросил скальпель и взял в руки кувалду, чтобы провести нейрохирургическую операцию.

Он думал, что лечит мир от симптомов, устраняя причину.

Но в этой темной, ироничной пьесе, написанной самой эволюцией, причиной был он сам.

В груди Сони, в слизистой оболочке ее многострадальных бронхов, первые вирионы штамма уже прикрепились к рецепторам клеток. Замок шелкнул. Вирус начал проникать в ядро.

Часы судного дня, спрятанные в грудной клетке маленькой девочки, начали свой обратный отсчет. И завел их человек, который любил ее больше жизни.

Глава 3.

Убойный отдел Центрального управления пах отчаянием, дешевым растворимым кофе. Это был запах медленного, методичного гниения человеческих душ, спрессованный в узких коридорах с облупившейся зеленой краской. Флуоресцентные лампы под потолком гудели с назойливостью больных мясных мух, время от времени моргая, словно зданию не хватало электричества, чтобы поддерживать иллюзию нормальности.

Когда Александр Волков толкнул двустворчатые двери отдела, шум голосов, треск клавиатур и звонки телефонов не стихли, но тональность помещения неуловимо изменилась. Люди инстинктивно втягивали животы и опускали глаза. Волков был местным божеством — ветхозаветным, гневливым и абсолютно нетерпимым к чужой глупости. Он двигался между столами как ледокол, оставляя за собой кильватерный след из напряженного молчания.

Его пальто, все еще влажное от утреннего дождя, отяжелело. Он подошел к зоне отдыха — островку грязи, где на пластиковом столе покоилась древняя кофеварка с треснувшей стеклянной колбой. Волков потянулся к черной пластиковой ручке кофейника.

Внимание.

Именно здесь, в этой банальной, ежедневной рутине, камера невидимого режиссера должна была бы взять экстремально крупный план. Зритель, уже знающий правду, вцепился бы в подлокотники кресла, умоляя героя остановиться.

Пальцы Волкова сомкнулись на ручке. Теплый, пористый бакелит пластика был идеальным неживым объектом, способным служить переносчиком инфекции. На макроуровне детектив просто наливал себе черную, как деготь, жидкость в картонный стаканчик. На микроскопическом, клеточном уровне, описанном с безжалостной холодностью медицинской энциклопедии, происходила катастрофа.

Мутировавшие вирионы штамма, разбуженные утренней дозой спиртового санитайзера, находились в фазе агрессивной экспансии. Они покрывали эпидермис Волкова невидимой, мерцающей пленкой. При контакте с теплой поверхностью ручки кофейника, миллионы частиц, снабженных шиповидными S-белками, отделились от его кожи и осели на пластике. Они закрепились в микротрещинах бакелита, ожидая нового хозяина с терпением голодных пауков.

Волков отпустил ручку. Сделал глоток. Кофе был дрянным, со вкусом жженой резины.

Секундой позже к столу подошел стажер — бледный, прыщавый парень по фамилии Новиков, который смотрел на Волкова с благоговейным ужасом.

— Доброе утро, Александр Сергеевич, — пискнул он.

— Оно было добрым, пока я не увидел твой отчет по свидетелям, Новиков, — бросил Волков, не глядя на него. — Это не протокол допроса, это сочинение ученицы шестого класса. Переделай.

Стажер густо покраснел, пробормотал извинения и, нервно сглотнув, схватился за ту же самую ручку кофейника.

Щелчок. Биологический капкан захлопнулся. Трансмиссия завершена. Вирус, обладающий теперь высочайшей контагиозностью благодаря спиртовой мутации, впитался в потеющие от стресса ладони стажера. Через три минуты Новиков почешет нос, доставляя концентрат «Хлороса» прямо на свою богатую кровеносными сосудами слизистую. Через тридцать часов он начнет харкать кровью на глазах у матери.

Но Волков этого не знал. Он уже шагал к огромной маркерной доске в центре. Доске, посвященной «Инквизитору».

Там, припиленные магнитами, висели фотографии. Три жертвы. Три груды серого пепла и обугленных костей на фоне промышленных пейзажей. Никаких следов бензина или керосина.

У доски стоял его напарник, старший следователь Денис Савченко — человек с умными глазами, но слишком мягким характером, чтобы дослужиться до начальника. Он потирал переносицу, глядя на фотографии.

— Я говорю тебе, Саня, это термитная смесь, — устало произнес Денис, когда Волков подошел ближе. — Кто-то с доступом к армейским складам. Он поджигает их точно. И он выбирает маргиналов. Первые двое — портовые грузчики-нелегалы. Третий — вообще без документов, жил в теплотрассе. Это санитар города. Праворадикал какой-нибудь.

Волков издал звук, похожий на рычание, и с размаху ударил ладонью по фотографии третьей жертвы.

Еще один отпечаток смерти на глянцевой бумаге.

— Санитар? Праворадикал? — В голосе Волкова зазвучала та самая хирургическая, издевательская сталь, от которой у коллег сводило животы. Он наслаждался своим превосходством. — Денис, ты смотришь на коготь, а надо смотреть на душу. Радикалы хотят зрителей. Они вешают таблички, они записывают манифесты, они сжигают людей на площадях. А этот ублюдок? Он уходит в заброшенные котельные. В подвалы. Он прячется.

Волков повернулся к отделу. Несколько детективов замерли, прислушиваясь. Он любил этот момент — момент, когда он препарировал не только преступника, но и тупость своих подчиненных.

— Посмотрите на позы, — Волков ткнул пальцем в снимки, оставляя на них невидимые вирусные следы. — Нет признаков борьбы. Нет следов связывания. Жертвы стояли на коленях. Они ждали этого. Он их не просто убивает, он их отпускает грехи. Это фанатик. И он не сжигает их целиком. Экспертиза Петровича подтвердила: эпицентр температурного воздействия всегда в районе грудной клетки. Легкие. Он выжигает им дыхание, потому что верит, что там прячется демон.

Волков говорил уверенно, его логика была безупречна, кинематографична и абсолютно, катастрофически неверна. Его гениальность, взращенная на книгах по криминальной психологии, ослепила его. Он сконструировал идеального маньяка с религиозным бредом, не понимая, что смотрит на действия ученого-эпидемиолога, который сжигал нулевых пациентов вместе с их зараженными легкими, чтобы спасти миллионы. И жертвы не сопротивлялись не из-за религиозного экстаза — они не сопротивлялись, потому что уже умирали от асфиксии в агонии вируса.

Денис вздохнул, признавая поражение. Волков всегда умел подавить авторитетом.

— Ладно. Допустим, фанатик. Куда копаем?

— В секты. В закрытые религиозные общины, которые тусуются вокруг порта, — Волков сунул руку в карман. Ему вдруг показалось, что кожа на ладонях стянута. Воздух в отделе был слишком сухим.

Он достал пластиковый флакон с полустертой надписью больницы.

Время в восприятии зрителя снова замедляется. Хичкоковский саспенс натягивается до звона.

Только не это. Не делай этого снова.

Волков выдавливает щедрую порцию геля. Вжик-вжик. Пронзительный запах изопропилового спирта бьет в ноздри стоящих рядом. Полимер обволакивает кожу детектива, мгновенно растворяя обычную грязь и одновременно питая колонии мутировавшего вируса, заставляя их размножаться с геометрической прогрессией. Его руки сейчас — самое биологически опасное оружие на территории континента.

— Отличная работа вчера ночью, кстати, — сказал Денис и, подчиняясь мужскому рефлексу утреннего приветствия, протянул руку для рукопожатия.

Волков, не задумываясь, вложил свою только что щедро "продезинфицированную", влажную от спирта и вируса ладонь в руку напарника. Он сжал ее крепко, по-мужски.

В момент трения кожи о кожу, под давлением в несколько килограммов, чешуйки плоского эпителия на руке Дениса разошлись. Смесь санитайзера и химерного вируса проникла в микроскопические царапины. Денис был астматиком в детстве — Волков знал это, они однажды обсуждали это в баре. Легкие Дениса были такой же идеальной, рыхлой почвой для вируса, как и легкие семилетней Сони.

— Спасибо. Я вытрясу из этой Смирновой все, что она знает об этом психе, — Волков отпустил руку напарника.

Денис, чувствуя легкое пощипывание от чужого санитайзера, рефлекторно вытер ладонь о свои брюки, а затем, по привычке, потер уставший глаз. Вирус попал на конъюнктиву. Процесс колонизации нервных узлов стартовал.

— Капитан просил передать тебе это, — Денис взял со стола толстую картонную папку — материалы дела Смирновой, которую Волков взял вчера на месте преступления, — и протянул ее Волкову.

Детектив перехватил папку обеими руками. Он провел большими пальцами по краям картона.

— Разберу у себя в кабинете.

Он повернулся и зашагал к своему застекленному кабинету-аквариуму в углу зала. Он не видел, как к столу Дениса подошла лейтенант из отдела аналитики и попросила ту самую папку, чтобы сделать копии. Он не видел, как она взяла ее точно за те места, где остались невидимые, влажные следы его пальцев.

Волков закрыл за собой стеклянную дверь, отсекая шум отдела. Он бросил папку на стол, сел в кресло и тяжело выдохнул. У него снова зачесался левый висок. Боль была острой, похожей на укол ледяной иглы. Он посмотрел на свое отражение в темном экране выключенного монитора.

Серебряная прядь в волосах, казалось, стала толще. Она светилась в полумраке кабинета, как клеймо. Как штрих-код смерти.

Волков потер висок, затем посмотрел на свои руки. Чистые. Сильные. Руки человека, который защищает этот город. Руки, которые контролируют хаос.

Он открыл папку и принялся читать, не подозревая, что снаружи, за тонким стеклом его кабинета, инкубационный период апокалипсиса уже вошел в свою необратимую, финальную стадию. И он — его главный, гордый архитектор.

Текст в папке плясал перед глазами Волкова. Буквы казались размытыми, словно напечатанными на влажной промокашке. Анна Смирнова. 35 лет. Главный эпидемиолог портового санитарного контроля. В ее биографии не было ничего, что связывало бы ее с сектами или пироманами. Диссертация по мутациям респираторных патогенов, стажировка в Женеве, закрытый грант от Министерства Обороны шесть лет назад. Идеальный фасад скучной научной жизни.

Но Волков презирал фасады. Его мозг, натренированный годами поиска грязи, уже конструировал теорию заговора: она снабжала маньяка химикатами из лаборатории порта. Она была его музой, его диспетчером, его «ангелом смерти» в белом халате. Это было логично, это вписывалось в его нарратив. Это давало ему иллюзию того, что он управляет игрой.

Он захлопнул папку. Резкий звук хлопка картона эхом отразился от стеклянных стен кабинета-аквариума.

Волков поднял взгляд и посмотрел сквозь стекло на свой отдел.

Если бы в этот момент читатель применил тепловизор или фильтр, показывающий биологическое загрязнение, картина за стеклом напоминала бы вид на Чернобыль в ночь аварии. Убойный отдел центрального управления светился от невидимой колонии штамма.

Вот стажер Новиков. Он грызет колпачок ручки. Ручки, которую он взял с того самого стола, где стоит кофейник. В его слюне уже формируются первые кластеры химерного белка, готовясь атаковать миндалины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.